

Д.В. Киселёв

г. Москва

Генерал Тигр: штрихи к портрету Мэн Эньюаня

По традиции, сложившейся в отечественной науке, история Северо-Восточного Китая в первой четверти XX в. рассматривается сквозь призму личности «некоронованного императора Маньчжурии» Чжан Цзолиня. Подобный подход приводит к тому, что из поля зрения исследователей выпадают многие незаурядные деятели указанного периода. К числу таковых безусловно можно отнести генерала Мэн Эньюаня¹.

Сведения о раннем периоде жизни нашего героя довольно противоречивы. Как русские, так и китайские источники называют в качестве места рождения Мэн Эньюаня провинцию Чжили, а точнее – местечко Шуанцяо, ныне вошедшее в черту г. Тяньцзинь. Считается, что он появился на свет в 1856 г., однако в этом случае получается, что на военную службу Мэн попал в 1894 г. весьма зрелым мужчиной. В сентябре 1911 г. в отчёте офицеров русской пограничной службы, встречавшихся с генералом в Мукдене, он предстаёт 40-летним человеком (см. Разведсводку штаба Заамурского округа ОКПС № 53 от 12 сентября 1911 г. [РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 5, л. 9]), поэтому автору представляется более правомерным отнести рождение Мэн Эньюаня к началу 1870-х гг. Так или иначе, будущий генерал появился на свет в бедной семье, и к 20 годам успел потрудиться, сменив множество профессий. Он рыбачил, а затем, по слухам, прибил к дорогому публичному дому «Елайсян» («Аромат ночи»). Там Мэн занимался тем, что разносил по номерам чай. По этому случаю одна из обитательниц борделя дала ему кличку «Большой чайник» (*Да чаху*) – это было первое из прозвищ, сопровождавших Мэн Эньюаня на протяжении всей жизни. Одним из завсегдатаев заведения был генерал Юань Шикай, который приметил расторопного парня и помог ему

© Киселёв Д.В., 2013

поступить на службу в войска европейского образца, расквартированные в окрестностях Тяньцзиня. По-видимому, в разразившейся вскоре Японо-китайской войне Мэн участия не принимал и, по другой легенде, впервые отличился на ином поприще. В 1896 г. в город прибыла вдовствующая императрица Цыси, пожелавшая лично проинспектировать части Юань Шикая. Во время смотра Мэн Эньюань входил в свиту генерала. Увлечённая Цыси не заметила, как из её причёски вывалилась нефритовая шпилька. Никто из дворцовых евнухов этого также не видел, однако Мэн не растерялся и, бросившись на колени перед императрицей, протянул драгоценность со словами: «Перо феникса упало на землю и теперь желает вернуться на гору Фошань!» Удивлённая Цыси спросила Юань Шикая: «Кто этот молодец?» Услышав ответ, повелительница Поднебесной изрекла: «Если в твоих войсках все такие толковые, то ты недаром потрудился». Перед отъездом в Пекин императрица якобы вновь сказала генералу: «Этот Мэн годится для больших дел». Юань Шикай был доволен действиями Мэн Эньюаня и по окончании смотра молодой человек получил чин *бяотуня*², став командиром подразделения провинциальных (охранных) войск (*Сюньфандуй*) провинции Чжили (250 пехотинцев). Вскоре после этого он был переведён в провинцию Хэнань, и по этой причине не принимал участия в событиях 1900 г. За несколько последующих лет он поднялся до *тунлина*, затем до *цзунбина* и получил пост командующего войсками, дислоцированными в хэнаньском городе Наньян³. В армии Мэн Эньюань был известен, как «Генерал, подхвативший шпильку» (*Шицзань цзянцзюнь*) [4]. В 1908 г. Мэн Эньюань получил назначение в провинцию Гирич, с которой оказалась связана почти вся его последующая жизнь⁴. Генерал занял должность *дубаня* (командующего) провинциальных войск (*Сюньфандуй*), вскоре переведённых в разряд Сухопутных войск (*Луцзюнь*). Мэн Эньюань стал командиром 23-й дивизии – на этой должности его застала Синьхайская революция [3]. В начале октября 1911 г. в казармах дивизии была обнаружена литература революционного содержания, в связи с чем *цзунду* (генерал-губернатор) Восточных провинций Чжао Эрсюнь ostrанил Мэна от командования, заменив его бывшим начальником правого крыла провинциальных войск маньчжуром Чэн Мином (см.: Разведсводка штаба Заамурского округа ОКПС № 57 от 14 октября 1911 г. [РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 5, л. 1об–2]). Это сыграло благоприятную роль в судьбе генерала при новых республиканских властях: в 1912 г. Мэн Эньюань был не только восстановлен в должности, но и назначен *хуцзюньши* (командующим всеми войсками провинции). Генерал сразу же принял энергичные меры к повышению боеспособности своих сил. С января 1912 по январь 1913 г. в Гирич

было доставлено 17500 винтовок и 11 млн. патронов. Из винтовок 6500 были винтовками системы Маузера, поставленными немецкими фирмами Дидрихсена и Карловица (те же компании доставили Мэну 6 млн. патронов). Далее, 5000 винтовок японского образца (тип «33 год Мэйдзи») и 5 млн. патронов было завезено из Дальнего. Остальные «стволы» поступали с китайских военных предприятий. Артиллерийские подразделения за то же время получили 10 полевых орудий и 12 горных (см. Разведсводка штаба Заамурского округа ОКПС № 2 от 10 января 1913 г. [РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 22, л. 6об]). Революционные события в Монголии заставили правительство КР позаботиться о развёртывании маньчжурских войск по штатам военного времени. Это означало, что в дополнение к имеющейся 23-й дивизии, Мэн Эньюань должен был развернуть ещё одну резервную. Задачу не удалось выполнить по причинам нехватки запасных, активной внутренней миграции населения и отсутствия опытных офицеров. Это заставило *хуцзюньши* активно заняться формированием из крестьян частей т.н. «резервной полиции» (*юйбэй сюньцзин*, или *юйцзин*). Её формирования предназначались в первую очередь для охраны населения от *хунхузов* (бандитов), а в военное время пополняли ряды войск *луцзюнь* – в связи с этим с 1913 г. резервная полиция проходила обучение по армейской программе [АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 754, л. 8–9]. Хотя оружия хронически не хватало даже в регулярной армии, резервную полицию Гирина старались вооружать винтовками Маузера, принятыми в войсках: это также облегчало обучение (см. Разведсводка штаба Заамурского округа ОКПС № 2 от 10 января 1913 г. [РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 22, л. 5об]). Резервная полиция должна была вдвое превосходить по численности штатную (*чжэньцзин*). Расходы на организацию и содержание частично возлагались на местных жителей соответственно их имущественному положению. В отчёте Комиссии по организации резервной полиции (*Юйцзин чоубэйчу*) за 1913 г. говорилось: «В 37 уездах Гиринской провинции во всех имеется полиция, постоянной полиции 12 000 чел., резервной 53 000 с лишком человек. Два года тому назад население с крайней неохотой поступало в ряды резервной полиции, теперь отношение свое изменило, т.к. поняло, что полиция охраняет жизнь и имущество его. Два года тому назад население не хотело давать денег на полицию, в настоящее время даёт, т.к. приходится меньше платить хунхузам. Замечается также... видимый успех в строевом обучении, которого два года тому назад не было»⁵ [АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 754, л. 55–62]. Эти достижения, к которым Мэн Эньюань имел непосредственное отношение, характеризуют его, как деятельного и изобретательного военачальника. Другими направлениями деятельности гиринского

хуцзюньши были повышение дисциплины в подчинённых частях и борьба с разведывательной деятельностью иностранных агентов. В рамках последней, в 1913 г. Мэн Эньюань «ассигновал на борьбу со шпионством 800 лан и предписал усилить состав разведывательного бюро на 10 чел.» (см. Разведсводка штаба Заамурского округа ОКПС № 12 от 14 марта 1913 г. [РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 22, л. 16]). У подчинённых генерал пользовался огромным авторитетом. В Гирине за Мэн Эньюанем закрепилось прозвище «Генерал Тигр» (*Лаоху цзянцзюнь*). Оно определённо пришлось ему по душе: Мэн Эньюань до конца своих дней оставался неграмотным (!), однако умел писать 4 иероглифа – собственное имя и знак «тигр» (*ху*), который использовал в качестве факсимиле [6, с. 130–131]. Внешне генерал выглядел весьма внушительно. По отзывам русских пограничников он «представлял из себя тип сильного мужественного солдата» (см.: Разведсводка штаба Заамурского округа ОКПС № 53 от 12 сентября 1911 г. [РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 5, л. 9]). Это не мешало Мэн Эньюаню ценить радости жизни. Так, в мае 1913 г., возвращаясь из командировки в Пекин, генерал на три дня остановился в Куаньчэнцзы (Чанчунь). Он ни разу не встретился с местными чиновниками, поскольку «всё свободное от обедов время провёл в обществе шантанных певиц» в гостинице (см.: Разведсводка штаба Заамурского округа ОКПС № 22 от 25 мая 1913 г. [РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 22, л. 29]).

В 1916 г. Мэн Эньюань был назначен *дуцзюнем* – военным губернатором Гирина, однако в конце 1910-х гг. его прочные позиции пошатнулись [3]. В июне 1917 г. Чжан Цзолинь предложил Пекинскому правительству назначить на пост *дуцзюня* провинции Хэйлунцзян своего родственника Бао Гуйцина: сын Бао был женат на дочери Чжана. В планы мукденского диктатора входило распространение своего влияния на весь Северо-Восточный Китай. Хэйлунцзян обещал стать «лёгкой добычей»: эта провинция всегда была наиболее отсталым и слабым в военном отношении регионом Маньчжурии. С Гирином маршалу предстояло попотеть: к началу октября 1917 г. в распоряжении Мэн Эньюаня находились четыре бригады общей численностью 14 826 чел. [АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 757, л. 4–7]. Эти силы более чем вдвое уступали мукденским войскам и были хуже вооружены. В войсках ощущалась острая нехватка сапёрных и обозных частей, понтонных средств, походного снаряжения, средств связи и вещевого довольствия [там же, л. 133]. К тому же, 4-я бригада гиринских войск под командованием Гао Шибина (племянник Мэн Эньюаня) была занята охраной беспокойной монгольской границы и постоянно требовала подкреплений [там же, л. 4–7]. Тем не менее, даже в такой ситуации Чжан Цзолинь был вынужден считаться с

Мэн Эньюанем. До поры ему приходилось действовать методом интриг, благо случай для этого представился в июле 1917 г. Генерал Чжан Сюнь поднял мятеж под знаменем реставрации династии Цин и 1 июля ввёл подчинённые войска в Пекин. Сразу вслед за этим из Гирина пришёл приветственный адрес на имя императора Сюаньтуна (Пу И), в ответ на который последовал указ о назначении Мэн Эньюаня *сюньфу* (губернатором) провинции Гири. Не исключено, что «Генерал Тигр» действительно сочувствовал идее реставрации маньчжурской династии: в сентябре 1911 г. русские пограничники отмечали, что он упорно продолжает носить косу, хотя более половины офицеров армии нового образца уже отказались от этого обычая (см.: Разведсводка штаба Заамурского округа ОКПС № 53 от 12 сентября 1911 г. [РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 5, л. 9]). Уже 12 июля мятежники были разбиты войсками Дуань Цижую. Хотя за всё время переворота Мэн не предпринимал никаких реальных действий в поддержку незадачливого императора, Чжан Цзолинь сразу же предпринял ряд интриг с целью его смещения. Так, мукденскими агентами была инспирирована подача коллективной жалобы гириных купцов на якобы допущенное генералом «расстройство войсковых финансов» провинции. 26 июля 1917 г. Бао Гуйцин был назначен *дуцзюнем* провинции Хэйлуцзян, а в начале осени из Гирина поступила новая жалоба, исходившая от владельцев спиртовых заводов: в целях покрытия военных расходов Мэн обложил винокурни дополнительными сборами. Стремясь урегулировать отношения с бизнесом, Мэн провёл встречу с председателем Гиринского купеческого общества Фэн Фанганом [АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 757, л. 260]. 8 октября того же года последовало распоряжение о замене Мэн Эньюаня выходцем из провинции *Жэхэ фудутуном* Тянь Чжуньюем. Гириные военные единодушно встали на сторону своего командующего. Чувствуя поддержку, Мэн ввёл войска в Куаньчэнцзы и потребовал от Дуань Цижую в 3-дневный срок отозвать приказ⁶. Пекин поспешил заручиться поддержкой Чжан Цзолиня – последний получил письмо, обвиняющее Мэн Эньюаня в сношениях с монархистами и даже с Германией. Чжан привёл свои войска в полную боеготовность, но с активными действиями не спешил. Между тем в гирином лагере также занимались поиском сторонников: управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват 15 октября 1917 г. известил русского посланника в Пекине о том, что эмиссары Мэн Эньюаня обратились к нему с просьбой поддержать *дуцзюня* перед Дуань Цижуюем [там же, л. 216]. Административные органы и техническая база КВЖД тогда находились на территории провинции Гири. Учитывая, что Мэн Эньюань поддерживал с русским железнодорожным начальством длительные и стабильные

отношения, Д.Л. Хорват не был заинтересован в смене гиринаского военного руководства. Поэтому нельзя исключать, что русская поддержка генералу по дипломатической линии была оказана. Кроме того, 1 ноября 1917 г. Мэн якобы получил телеграмму с предложением помощи от оппозиционных властей Южного Китая [там же, л. 249–250]. Принять таковую означало пойти на неминуемую вооружённую конфронтацию с Пекином: даже если послание действительно имело место, Мэн предпочёл оставить его без ответа. Между тем ситуация продолжала накаляться, что заставило генерала заняться срочным наращиванием своей военной группировки. Для этого Мэн задействовал созданную ранее систему подготовки армейского резерва. Место частей, переведённых из Гирина в стратегически важный Куаньчэнцзы, быстро заняли 3 батальона «временных резервно-полицейских сил» (*линъши цзинбэйдуи*). Кроме того, немедленно начался набор 5-й бригады провинциальных войск [там же, л. 263, 272]. Столкнувшись с решимостью Мэна, премьер-министр КР попытался найти компромиссное решение, позволявшее обеим сторонам «сохранить лицо». В Гирин были направлены генералы Хэ Цзунлянь (бывший командующий войсками пров. Жэхэ) и Чэнь Вэньюнь (нач. Пекинской военной школы), связанные с Мэн Эньюанем дружескими отношениями. Гости передали *дуцзюню* неофициальное предложение премьера: правительство отзывает приказ о смещении, а генерал обязуется подать прошение об отставке, выждав два месяца [там же, л. 246–247]. Мэн неожиданно согласился, однако, как показали дальнейшие события, не собирался придерживаться договорённости. 7 ноября генерал заявил, что отказывается от данного обещания «ввиду домогательств Чжан Цзолиня захватить власть в Маньчжурии путём продвижения родственников в командующие войсками Гирина и Цицикарской провинций»⁷ [там же, л. 256]. Дело в том, что незадолго до этого Чжан Цзолинь предложил Дуань Цижую совершить рокировку: перевести Мэна на место Бао Гуйцина, отдав последнему пост *дуцзюня* провинции Гирин. Откуда Мэн Эньюаню стало известно о мукденской инициативе – неизвестно (не исключено, что эта информация была передана ему из русского консульства в Гирине, активно занимавшегося разведывательной деятельностью). Противостояние премьера и провинциального *дуцзюня* вышло на новый виток. Теперь уже Мэн Эньюань направил в Пекин своих эмиссаров – ими стали командир 1-й бригады гиринаских войск Пэй Цисюнь и харбинский *даоинь* (глава гражданской администрации) Го Цзунси. Им удалось получить две аудиенции у и.о. президента КР Фэн Гочжана. В первой беседе гиринаские посланцы заверили главу государства, что Мэн Эньюань не имеет отношения к верноподдан-

ническому адресу на имя Пу И: бумага была-де самовольно послана секретарём штаба Чу Ляньцзя, в то время как *дуцзюнь* находился на лечении в Тяньцзине. Во время второго приёма Фэн Гочжан сообщил о своём решении оставить Мэна на его посту. Об этом сразу же известили генерала, хотя официальное объявление последовало лишь 21 ноября [там же, л. 262–263].

Выиграв бескровную битву с такими сильными противниками, как Дуань Цижуй и Чжан Цзолинь, гиринский *дуцзюнь* сильно упрочил свои позиции. Росту его авторитета ещё более способствовали харбинские события конца ноября – начала декабря 1917 г. После Февральской революции в Харбине был сформирован Совет рабочих и солдатских депутатов, в состав которого вошли разные люди – от большевика М.Н. Рютина до начальника контрразведывательного пункта Иркутского военного округа на КВЖД штабс-капитана А.Н. Луцкого [2]. Совет фактически стал вторым органом власти в городе после Управления КВЖД. Благодаря мягкой позиции Д.Л. Хорвата, деятельность Совета развивалась без помех, и вскоре 559-я и 618-я дружины ополченцев, несшие охрану линии дороги в пределах города, полностью перешли на сторону большевиков. После Октябрьского переворота Совет попытался заменить Хорвата своим ставленником. Генерал дела сдавать отказался, после чего, по просьбе иностранных дипломатов, Мэн Эньюань пресёк активность Совета силами своих войск [5, с. 80–81]. 10 декабря (н. ст.) китайские военные потребовали от большевиков сдать оружие. Петроград следил за ситуацией и пытался принимать контрмеры: Л.Д. Троцкий прислал А.Н. Луцкому телеграмму с приказом арестовать должностных лиц, сопротивляющихся Совету, и оказать давление на консулов с целью удаления китайских войск [1]. 13 декабря Совет капитулировал, и хотя совсем без стрельбы не обошлось, большевики уже к концу декабря были выдворены из Маньчжурии в Россию [2, с. 140].

В действительности присутствие гиринских войск в Харбине имело место задолго до событий 10–13 декабря 1917 г. Ещё в марте 1917 г. шеф Гиринской провинциальной полиции Чжао Сяньчжан обязал начальников уездов, расположенных вдоль линии КВЖД, установить наблюдение за проезжающими российскими подданными. Власти должны были пресекать попытки проведения митингов и иных политических акций, однако их организаторов предписывалось не арестовывать, а препровождать в ближайшее русское консульство, «дабы не было в будущем каких-либо нареканий со стороны русского правительства, с коим наше правительство намерено поддерживать наилучшие отношения». Полицмейстер харбинского

«китайского» района Фуцзядянь получил приказ наблюдать за ситуацией в «русском городе» силами тайной агентуры, «дабы своевременно можно было принять меры на случай каких-либо эксцессов по отношению к китайцам»⁸ [АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 757, л. 73]. Опасения китайских властей вскоре оправдались: в апреле 1917 г. матросы, отправляемые из Владивостока в Россию по КВЖД, учинили грабежи и беспорядки на станциях Пограничная (Суйфэньхэ), Хэндаохэцзы, Имяньпо, Эрцядяньцзы и Маоэршань. Ситуация была признана настолько сложной, что Чжао Сяньчжан отменил свою поездку в Пекин для участия во Всекитайском съезде полицейских [там же, л. 100–101]. В мае начальник полиции доносил Мэн Эньюаню: «...Русские солдаты не слушаются своих начальников и производят бесчинства. Это может отразиться на Китае, так как расселённые вдоль по границе с Китаем русские казаки, в Амурской и Приморской областях, дики и разнузданы. В случае возникновения беспорядков... они наверняка будут переходить на китайскую территорию с целью грабежа. В виду вышеуказанного я сделал распоряжение полиции в пограничных с Россией уездах быть наготове для охранения безопасности пограничных жителей и внимательного наблюдения за действиями казаков» [там же, л. 138]. Кроме того, тайные осведомители сообщали, что члены «тайного общества Цзуншэдан» в сговоре с японцами собираются воспользоваться брожениями в Харбине и организовать вооружённое ограбление городского отделения Банка Китая [там же, л. 125]. По согласованию с Мэн Эньюанем для обеспечения общественного порядка в Харбине и других районах провинции был принят ряд мер. В апреле 1917 г. в Фуцзядянь были переведены 40 полицейских из уезда Шуанчэн. Одновременно начальник уезда приказал сформировать из лиц, владеющих огнестрельным оружием, добровольные отряды с целью не допустить ослабления сил правопорядка [там же, л. 99]. Тогда же было принято решение ввести в Фуцзядянь войска. Полицеймейстер Лю Фанбинь просил подкреплений в количестве 1 батальона пехоты и 1 батальона кавалерии. Мэн Эньюань решил ограничиться 2 ротами пехоты (200 чел.), выделив их из состава 1-го полка 2-й бригады провинциальных войск, квартировавшего в Ачэне и Нинъане (Нингута). Сформированный *Цзинфандуй* (Охранно-полицейский отряд) был причислен к полиции, т.к. появление в Харбине военного отряда «произвело бы нежелательные между русскими толки и возбудило бы дипломатическую переписку». Солдаты стали рядовыми полицейскими, взводные командиры – околоточными надзирателями, командир полка встал во главе отряда, а полковой писарь стал его заместителем [там же, л. 125, 140]. Одновременно с этим Лю Фанбинь, как

«не совсем пригодный для своей должности в дни текущих событий, недостаточно энергичный и не отличающийся распорядительностью», был заменён начальником сельской полиции уезда Биньцзян Ань Госянем – выпускником полицейской школы в Тяньцзине [там же, л. 138]. Между тем, по сообщениям секретных агентов, в Харбине стали скапливаться уголовные преступники, освобождённые из тюрем Восточной Сибири в рамках амнистии, проведённой Временным Правительством. Ожидалось, что они непременно вступят в сговор с местными *хунхузами* с целью организации грабежей. Вскоре «военный разведчик Хан» донёс из Харбина, что местное русское население самостоятельно решило проблему: все бывшие преступники были взяты на учёт, знающим ремесло была предоставлена работа, а остальные отправлены в Россию на средства, собранные горожанами. По мнению Хана, «если и можно ожидать эксцессов и грабежей, то только со стороны русских солдат, кои теперь, не признавая никакого начальства, совсем распустились». После этого Мэн Эньюань направил в Харбин опытного разведчика Мэн Дэшэна, имевшего в подчинении двух агентов. Они должны были «осуществлять наблюдение за действиями русских войск в отношении к революции в России; за отношениями солдат и военного начальства, а также за приготовлениями ими каких-либо эксцессов по отношению к китайскому населению». Наблюдение велось как в Харбине, так и на линии КВЖД, полученная информация стекалась к Мэн Дэшэну, а последний делал доклады непосредственно Гиринскому *дуцзюню* [там же, л. 139–140]. Таким образом, ситуация в Харбине с первых дней «русской смуты» находилась под пристальным вниманием Мэн Эньюаня.

В конце октября 1917 г. генерал получил от Пекинского правительства телеграмму, в которой сообщалось об ухудшении политической ситуации в России и намерении Петрограда заключить сепаратный мир с Германией. Далее в телеграмме содержалось требование «отправить в Харбин войска для защиты китайских купцов». Необходимость такой меры подтверждал Мэн Дэшэн, сообщавший о неспособности русских властей Харбина обеспечить безопасность города. По его донесениям, нападения русских солдат на китайских торговцев в Фуцзядяне приняли регулярный характер [там же, л. 267]. В связи с этим в Гирине было созвано совещание с участием командиров 2-й (Гао Фэнчэн) и 3-й (Тао Сянгуи) бригад провинциальных войск. Мэн Эньюань объявил, что Тао Сянгуи должен отправиться в Харбин с частью 2-го полка 3-й бригады, другая часть этого полка располагалась в Ачэне, а 1-й полк той же бригады – в Нинъане. В Ачэне также находился штаб и основные силы 2-й бригады. Данные

войска поступали в распоряжении Тао Сянгуя. В своих действиях ему надлежало действовать в согласии с русскими властями, харбинским *даоинем* и Харбинским купеческим обществом. Помимо защиты китайских коммерсантов в Фуцзядяне и Новом городе, войска Тао должны были защищать и русских купцов [там же, л. 267–268].

Прибыв в Харбин и изучив обстановку, Тао Сянгуй доложил Мэн Эньюаню, что в городе царит спокойствие, однако, на случай необходимости, для охраны порядка следует иметь 8 батальонов всех родов войск (включая полевую артиллерию). На случай возникновения беспорядков Тао советовал держать в готовности 1-ю бригаду [там же, л. 267–268]. Штаб гириных войск разработал план взаимодействия частей в случае необходимости «умиротворения» Харбина. Обязанности по охране города и железной дороги на участке от Харбина до Куаньчэнцзы возлагались на бригаду Тао Сянгуя. В случае нужды он получал подкрепления от 1-й бригады, стоящей в Куаньчэнцзы. Восточная линия КВЖД (от Ачэна до Суйфэньхэ) охранялась 1-м полком 3-й бригады. Кроме того, Тао мог затребовать подкрепления и из Хуньчуня [там же, л. 269].

Мэн Эньюань писал Тао Сянгую: «По концессионному договору... территория дороги и самого Харбина есть собственность Китая и потому ему и принадлежит, конечно, вся полнота власти над этой территорией. Если ныне происходят на названной территории волнения, то вся охрана проживающих на ней – как китайцев, так и иностранцев, – естественно должна принадлежать Китаю, и нельзя допустить, чтобы каждый из пребывающих на территории дороги иностранных консулов вызывал свои войска для охраны». В крайнем случае привлечение иностранных военных к охране консульств допускалось «при условии соблюдения... правил, установленных для наших китайских полицейских» [там же, л. 270]. Позиция *дуцзюня* безусловно была известна дипломатам, но даже если кто-то из них и предпочёл бы вызвать собственные войска, сделать это в условиях мировой войны было весьма проблематично. Реальную роль в харбинских событиях могли сыграть только японские военные, однако их появление в городе было невозможно в силу соглашения о разграничении сфер влияния России и Японии в Маньчжурии – на тот момент оно ещё соблюдалось. Поэтому ввод гириных войск в Харбин был закономерным. При этом действия китайских военных наверняка были согласованы с Управлением КВЖД: ещё 21 ноября 1917 г., во время приёма в Гирине по случаю удачного завершения конфликта с Дуань Цижумем, *дуцзюнь* имел конфиденциальную беседу с русским консулом В.М. Фёдоровым и выразил готовность

«оказать генералу Хорвату...помощь своими солдатами в борьбе с развивающейся в Харбине анархией» [там же, л. 252].

События декабря 1917 г. в Харбине имели колоссальное значение для престижа Китая. Это оценил даже Чжан Цзолин, приславший Мэн Эньюаню поздравительную телеграмму. Действительно, гиринский дуцзюнь решил весьма сложную задачу, взяв под контроль ситуацию в Харбине, где «наличие огромной массы некитайского населения, параллельных административных органов и иностранных консульств сильно усложняло политический ландшафт» [5, с. 80–81]. Разумеется, Чжан Цзолин не отказался от планов распространения своей власти на Гирин, однако ему пришлось временно отступить. Новая попытка смещения Мэн Эньюаня была предпринята им уже после того, как Чжан в сентябре 1918 г. получил должность *сюньюэши* (генерал-инспектора) Восточных провинций. Она оказалась удачной благодаря роковому для Мэн Эньюаня инциденту в Куаньчэнцзы. 19 июля 1919 г. (н.ст.) японский железнодорожный служащий попытался самовольно пройти через расположение части гириных войск. В ходе возникшего конфликта на помощь японцу пришли солдаты стражи Южно-Маньчжурской железной дороги. В завязавшейся перестрелке было убито 18 и ранено 17 японцев, потери гириных военных составили 15 убитых и 14 раненных. После Япония оказала мощное давление на китайское правительство, требуя отвода всех гириных войск на 15 км от Куаньчэнцзы. Выполнение этого условия привело к утрате Мэн Эньюанем контроля над важным стратегическим пунктом, а Чжан Цзолин приложил все усилия к тому, чтобы выставить Мэна главным виновником инцидента. Под давлением из Пекина, 28 июля 1919 г. Мэн Эньюань позвонил генерал-инспектору и сообщил о своей готовности выйти в отставку. От волнения он не мог говорить, поэтому беседа шла через адъютанта. Чжан Цзолин лицемерно заявил, что лично он ничего против Мэн Эньюаня не имеет, а все инициативы исходят исключительно из Пекина. 5 августа 1919 г. Мэн сдал обязанности *дуцзюня* провинции Гирин генералу Бао Гуйцину. Бразды правления Хэйлунцзяном перешли в руки Сунь Лечэня – бригадного командира из верной Чжан Цзолиню 27-й дивизии *луцзюнь* [4]. На этом завершился процесс объединения Маньчжурии под властью «некоронованного императора». Что касается Мэн Эньюаня, то он более не принимал участия в политической деятельности. До самой своей смерти в 1933 г. он проживал в Тяньцзине, занимаясь частным бизнесом [3]. До настоящего времени сохранились могила и дом «Генерала Тигра».

Примечания

¹ Кит. 孟恩远.

² Звание *бяотуна* 标统 в армии поздней Цин примерно соответствовало майору. *Сюньфандуй* 巡防队, или «Охранные войска», в эпоху поздней Цин формировались и осуществляли гарнизонную службу в каждой провинции Китая.

³ *Тунлин* 统领 приблизительно соответствует полковнику, *цзунбин* 总兵 – генерал-майору.

⁴ Современная провинция Цзилинь 吉林.

⁵ Здесь и далее выдержки из китайских документов даются в переводе сотрудников русского консульства в Гирине.

⁶ К тому времени будущий Чанчунь уже стал главным торгово-финансовым и транспортным центром Гиринской провинции.

⁷ «Цицикарская провинция» – устаревшее название Хэйлунцзяна.

⁸ Современный район Даовай.

Сокращения

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи.

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога.

КР – Китайская Республика.

ОКПС – Отдельный корпус пограничной стражи.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Литература

1. Известия, № 249 от 12 декабря 1917 г. (<http://www.komintern-online.com/trot1401.htm>)

2. *Мухачев Б.И.* Новые документы и материалы об А.Н.Луцком // Россия и АТР, 2005, № 4. С. 138–142.

3. Мэн Эньюань. Электронная энциклопедия «Байду байкэ» (<http://baike.baidu.com/view/746536.htm>)

4. Чжан Цзолинь ши жухэ даншан «Дунбэй ван» дэ? (Как Чжан Цзолинь стал «повелителем Маньчжурии»?) // Ляонин ваньбао, 26 мая 2009 г. (http://news.ifeng.com/history/1/renwu/200905/0526_2665_1175764.shtml)

5. *Carter J.H.* Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932. Cornell University Press, 2002.

6. Who's Who in China. Vol.1. Shanghai, Millard's Review, 1920 (репринт: Токио, 1973).